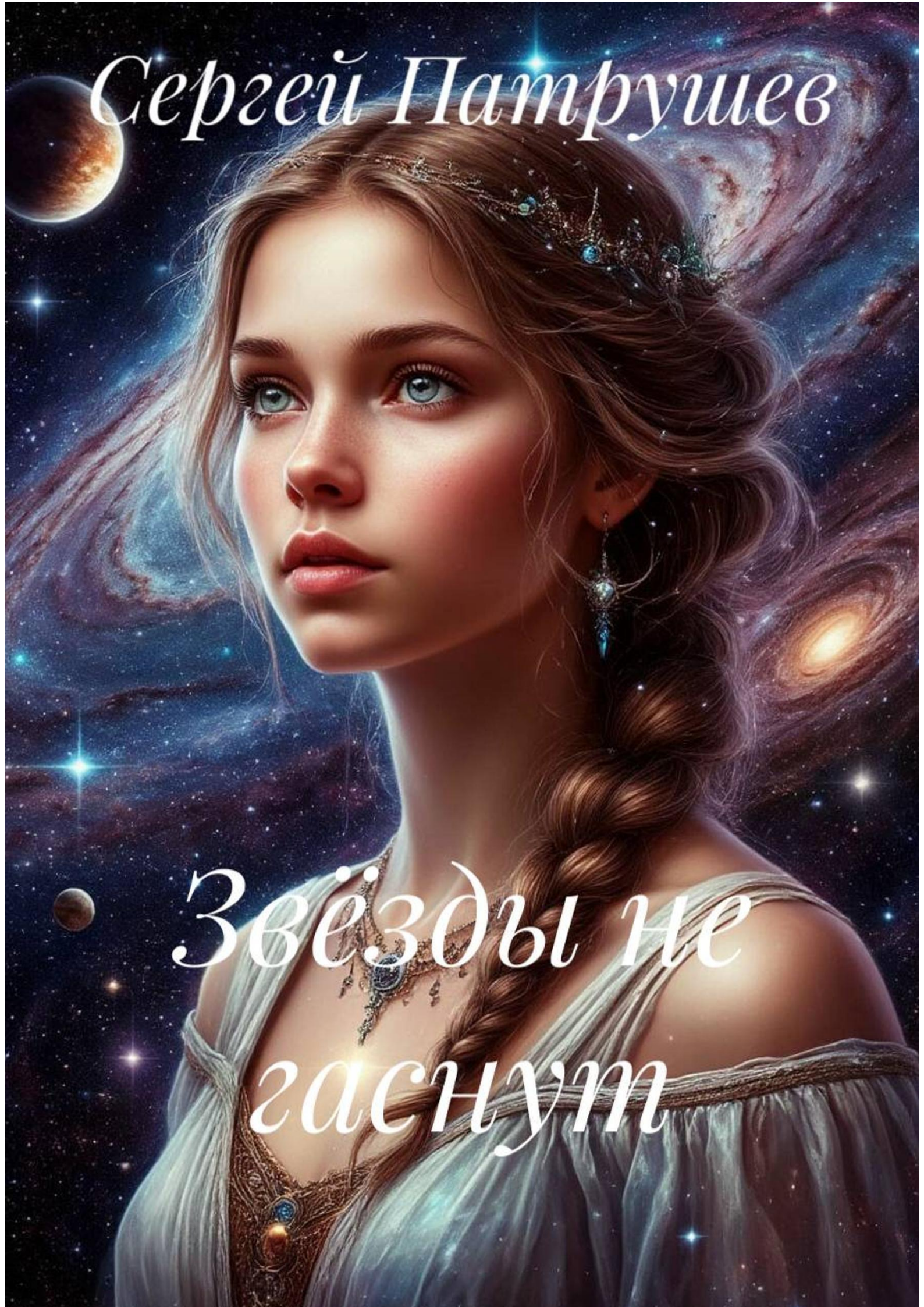

Сергей Патрушев

*Звёзды не
гаснут*

Сергей Патрушев
Звёзды не гаснут

«Автор»

2026

Патрушев С.

Звёзды не гаснут / С. Патрушев — «Автор», 2026

Ария родилась и выросла на старой орбитальной станции, где свет дают лишь на несколько часов в сутки, а за каждой переборкой холодная пустота. После встречи с разгерметизацией в техническом коридоре «Гремячем» она понимает: так жить нельзя. Вернувшись с Земли, куда её отправляли за «настоящим образованием», Ария решает строить автономную энергосистему из старых деталей, чертежей самоучек и собственной веры в дело. Но её идея не нужна ни корпорациям, ни бюрократам, ни тем, кто привык управлять зависимыми. Однако за спиной девушки наставник, друзья и растущая сеть таких же упрямых людей, которые хотят не ждать, а делать. Из маленькой мастерской рождается сообщество, из борьбы новый смысл. Философская научная фантастика о свете, который нельзя погасить, если он зажжён изнутри.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	10
Глава третья	15
Глава четвертая	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Сергей Патрушев

Звёзды не гаснут

Глава первая

Утро начиналось не с рассвета, а с низкого, вибрирующего гула. Этот звук — ровный, всепроникающий, исходящий будто из самих стен — был первым словом нового цикла на станции «Гелиос-7». Ария, уже по привычке, сосчитала пульсации: семь. Бортовой реактор всегда выходил на утренний режим ровно на седьмой секунде, не больше, не меньше. «На первый день цикла, — говорил старый инженер, — чтобы все системы ладно складывались». Ария повернулась в гамаке, укрытая легким, пахнущим озоном и переработанным воздухом одеялом, и смотрела в темноту, где угадывался иллюминатор. За ним, за этим многослойным стеклом, по краям тронутым микроскопическими кристаллами инея, лежал её мир. Необъятный, равнодушный, вечно черный космос.

Она не сразу поняла, что проснулась от тишины. Гул стих. Значит, энергия уже наполнила накопители, и старый инженер, отключив рубильник, стоит, опершись на поручень, и смотрит туда, где за слепящей дугой станции должна взойти звезда. Ария встала. Прохладный воздух обжег легкие, заставил вздрогнуть. Она натянула на себя мягкий, но плотный комбинезон, магнитные ботинки, стянула волосы в тугий узел. В отсеке пахло металлом, озоном и чем-то вечным — холодным пластиком, смазкой, бесконечностью.

Инженер стоял на смотровой палубе, как и предполагала Ария. Высокий, сутулый, в старой серой куртке с нашивками миссии, несмотря на прохладу, расстегнутой. Его лицо, изрезанное морщинами глубоко и основательно, как русла высохших рек на Марсе, было обращено к востоку — туда, где должна была показаться ослепительная корона местного солнца. Он не обернулся, но почуял её.

— Чувствуешь? — хрипло спросил он, и пар от его дыхания не закружился, а мгновенно рассеялся в искусственном воздухе.

— Что, наставник?

— Тишину. Настоящую. Реактор набрал мощность. Воздух звенит.

Ария прислушалась. И правда, тишина была не пустой, а плотной, звенящей, как натянутая струна. Ни скрежета манипуляторов. Ни гула вентиляции. Только собственное сердцебиение в ушах и этот высокий, почти не слышимый звон в самом воздухе — песня гигантской машины. Станция, укрытая броней обшивки, спала. Смотровые купола мерцали холодным светом далеких галактик, бледно-голубых на востоке.

— Сегодня вахта? — спросил инженер, наконец поворачиваясь. Его глаза, цвета старого серебра, смотрели внимательно и прямо.

— Да. Последний цикл перед ротацией. Тест систем жизнеобеспечения.

— Жизнеобеспечение... — он усмехнулся, обнажив ровные, неестественно белые зубы. — Это хорошо. Датчики не врут. Они как карта звездного неба: если знаешь, где какая туманность да скопление, не заблудишься. С жизнью так же. Сбилсся с пути — вернись к цифрам, к фактам. Они точку стояния укажут.

Они вошли в кают-компанию, в тепло, пахнущее свежесваренным протеиновым бульоном и озоном от работающих фильтров. Ассистентка Элис, молчаливая и быстрая, как механизм, уже хлопотала у синтезатора. На столе стоял металлический контейнер с дистиллированной водой и тарелка с дымящимися питательными брикетами. Завтрак прошел в тишине, нарушаемой только тихим шипением пневматики да постукиванием клапанов. Но тишина эта была не неловкой, а привычной, насыщенной невысказанными мыслями и давним взаимопониманием.

Провожая Арию, инженер положил тяжелую руку ей на плечо.

— После смены зайди в технический отсек, возьми резонаторы, что я заказывал. Да смотри, не задерживайся. Цикл смены короткий, а вакуум зверюга — не дремлет.

— Я не новичок, наставник.

— Новичок не новичок, а космос всех возрастов одинаков. Он, брат, как зеркало: что ему покажешь, то и получишь. Покажешь слабинку — задавит. Покажешь уважение — может, и путь укажет.

Ария кивнула, застегнула магнитные крепления на перчатках, подаренных наставником при зачислении, и вышла. Звезда, огромная и багровая, только-только выползла из-за горизонта планеты, окрасив панели станции в кроваво-розовые и сиреневые тона. Тени от модулей были длинными и синими, как пролитая тушь. Воздух в шлюзе зашипел, выравнивая давление, нарушая царящую тишину. Станция просыпалась: хлопали гермодвери, где-то завелся ремонтный дрон, срываясь на визгливый стрекот, переговаривались техники, заступающие на смену.

Центральный пост был в двух ярусах, в более новом, «командном» модуле с нелепым названием «Прогресс». Ария шла знакомым коридором, проложенным между путаницей труб и кабелей. Справа и слева стеной стояла пустота. Темная, молчаливая, неодолимая. Здесь, на станции, она была в безопасности. Но стоило шагнуть в шлюз, в бездну открытого космоса — и попадала в другой мир, живущий по своим, древним и безжалостным законам. Она любила этот коридор. Здесь ей думалось. О работе. О будущем. О том, что ждет её за горизонтом, за пределами этого тесного, но обжитого мирка.

Отец Арии погиб на старой орбитальной верфи, когда той было пять. Мать, не вынеся горя и клаустрофобии станционной жизни, улетела на Землю, в мегаполис, оставив дочь на попечение стариков. Сначала присылала сообщения и редкие посылки, потом и то, и другое стало приходить все реже, а три года назад прекратилось совсем. Ария не обижалась. Она помнила её руки, теплые и мягкие, и грустные глаза. И понимала, что здесь, на «Гелиосе-7», она угасала, как цветок без света. Наставник с ассистенткой стали ей и отцом, и матерью, и мудрыми учителями. Они научили её главному: слышать станцию, чувствовать металл, уважать труд и не бояться тишины внутри себя.

В команде она была своей, но немного отдельно. Не из-за скромности или недостатка опыта — здесь все жили примерно одинаково. А из-за этой внутренней тишины, этой не по годам основательности, перенятой у наставника. Она не лезла в конфликты, но и спуску никому не давала. Работала ровно, но без блеска, кроме навигации и пилотирования, где её руки, привыкшие к панелям, творили чудеса точности. Её уважали, но побаивались немного. Чували в ней какую-то глубинную силу, опору, как у старой антенны на корпусе.

Тест она завершила одной из первых, четко и аккуратно выведя данные на голографический экран. Начальник смены, Марк Петрович, посмотрел на её работу и кивнул с одобрением. После смены, когда все с шумом ринулись по каютам, Ария задержалась в пустеющем центре управления, глядя в огромный иллюминатор. «Прогресс» с его модернизированными блоками, гремющей системой охлаждения и мигающим аварийным датчиком казался ей чужеродным, нелепым наростом на теле станции. Её дом был там, в старом жилом модуле, где каждая переборка помнила руки строителя, а за каждым шлюзом начиналась бесконечная вселенная.

Мастерская Ильи Гавриловича помещалась в старом грузовом отсеке на окраине «Прогресса». Внутри пахло машинным маслом, металлической стружкой и озоном. Сам мастер, бородатый великан с руками, испачканными в графитовой смазке, молча протянул Арии контейнер, туго перетянутый ремнями.

— Держи. Наставнику передавай, что сталь хорошая, титановая. И что он мне еще за тот прошлогодний манипулятор должен.

— Передам, — кивнула Ария, пряча контейнер в поясную сумку.

— Куда путь держишь? Небось, домой? — Мастер щелкнул тумблером, активируя вентиляцию. — Слушай, девонька. Слышал, в шлюзе «Гремячий» датчики сбоили. Перепад давления, то ли что. Микротрещина, не иначе. Ты как раз через тот сектор идешь. Озирайся.

Путь домой лежал через технический коридор «Гремячий», названный так по гулу труб, который при разгерметизации мог стоять на всю округу. Сейчас трубы спали под толстым слоем изоляции, но гул не затихал никогда. Коридор вился по внешнему контуру станции, местами сужаясь до узкой галереи над глубокой шахтой лифта. Звезда уже садилась, окрашивая панели в холодные синие и фиолетовые тона. Тихо стало как-то по-особенному, зловеще. Даже шипение вентиляции казалось слишком громким.

Ария шестнадцать циклов прожила на этой станции и с молоком матери впитала страх и уважение к космосу. Она не была суеверна, как старики, но верила чутью. А сейчас чутье тревожно щемило под ложечкой. Она остановилась, сняла перчатку и приложила ладонь к стене. Вибрация. Слабая, неровная, с гулким эхом. Не штатная. И шла она не поперек коридора, а вдоль него, в ту же сторону, что и Ария.

Сердце застучало чаще. Разгерметизация. Падение давления — самое опасное, что могло быть на космической станции. Бесшумное, невидимое, непредсказуемое. Ария выпрямилась, прислушалась. Тишина. Та самая, звонкая тишина наставника, но теперь она была полна скрытой угрозы. Она знала правила: не паниковать, не делать резких движений, но и не искушать судьбу. Нужно было или вернуться в «Прогресс», или идти вперед, но подготовившись. Дом был ближе. Да и наставник ждал.

Она сняла с пояса сумку, достала оттуда портативный герметизатор, который всегда носила с собой. Небольшой, но мощный, с рукоятью из композитного волокна. Затем активировала на запястье аварийный маяк. Иногда внезапный сигнал мог отпугнуть аварию, привлечь внимание. И пошла дальше, замедлив шаг, вглядываясь в голубоватые сумерки, сгущавшиеся между переборками.

Она увидела её, когда вышла на открытое пространство у старого грузового люка. Трещина. Она шла по внешней обшивке, метров пятьдесят длиной, и смотрела прямо на неё. Темная, извилистая линия на фоне белого металла. Глаз не было видно, но Ария чувствовала на себе этот тяжелый, голодный взгляд пустоты. Она замерла. В ушах застучала кровь. Все знания, все рассказы наставника сплелись в единый, холодный клубок в сознании. Не двигаться. Не прикасаться. Дать понять, что ты есть, что ты не добыча.

Она медленно, очень медленно подняла руку с герметизатором и направила его не на трещину, а в сторону, на панель аварийного выхода. Сноп пены ударил по металлу, мгновенно застыв. Глухой хлопок, похожий на выстрел, гулко прокатился по коридору. Трещина дрогнула, недовольно запульсировала. Ария, не отрывая от неё взгляда (теперь она видела, как края трещины мелко вибрируют, расширяясь), начала пятиться к опорной переборке, где коридор снова уходил в основной массив станции. Шаг. Еще шаг. Трещина фыркнула, сбросив облачко инея. Она сделала шаг вперед, удлиняясь на глазах.

Ария почувствовала, как по спине бегут мурашки. Она продолжала пятиться, сжимая рукоять герметизатора так, что пальцы заболели. Еще несколько метров — и она окажется у поворота коридора. Трещина, казалось, раздумывала. Жажда пустоты боролась в ней с врожденной инерцией металла. И, к ужасу Арии, жажда начала побеждать. Разлом опустил голову и, издав низкий, булькающий скрежет, двинулся к ней. Уже не медленно, а быстрой, развалистой волной.

Бежать было бесполезно. Ария знала это. Она уперлась ногами в решетчатый пол, широко расставила их, приняв устойчивую позу. В голове пронеслись обрывки мыслей: о наставнике, о теплой каюте, о недописанном рапорте... И вдруг — абсолютная, ледяная пустота. Страх исчез. Осталось только действие. Она громко, резко, как учил наставник в критических ситуациях, крикнула:

— Пошла вон! Слышишь? Вон!

И швырнула под ноги приближающейся трещине свою поясную сумку с резонаторами. Та глухо ударилась о палубу. Трещина, не ожидая такого резкого движения и звука, замерла на мгновение, в недоумении тычась в незнакомый предмет. Этого мгновения хватило.

Справа, со стороны технического люка, грянул хлопок. Затем второй. Негромкие, отрывистые — это сработали аварийные клапаны, сбрасывая давление. Поток воздуха не убьет трещину, но напугает и, возможно, стабилизирует. Разлом взревел, больше от неожиданности и обиды, чем от боли, развернулся и, ломая изоляцию, бросился прочь, в глубь обшивки, оставляя за собой взметенную снежную пыль.

Из-за переборки вышел наставник. В руках он держал старый, выдавший виды аварийный резак. Лицо его было серо, как пепел, но руки не дрожали.

— Цела? — только и спросил он хрипло.

— Цела, — выдохнула Ария, и вдруг её всю затрясло, так что застучали зубы.

Наставник быстро подошел, схватил её за плечи, потряс сильно, будто проверяя на прочность, и вдруг прижал к своей куртке, пахнувшей озоном и графитом.

— Молодец, — прошептал он ей в макушку. — Не побежала. Это главное. Побежишь — конец. Молодец, Ария.

Они стояли так посреди потемневшего коридора, а над ними вспыхивали первые, невероятно яркие звезды в смотровых иллюминаторах. Холод снова обступил их, но теперь он был не страшен. Потому что они были вместе. Потому что Ария прошла свою первую, настоящую проверку. Не штатный тест, а ту, что назначает сам космос в этих суровых краях. И выстояла. Она почувствовала это каждой клеткой своего тела. Она не просто девушка со станции. Она — часть этого металла, этой пустоты, этого неба. И этот урок был важнее всех остальных.

— Пойдем, — сказал наставник, отпуская её. — Элис ужин ждет. И резонаторы ты, я смотрю, все же добыла. — Он кивнул на смятую сумку.

Ария подняла её, отряхнула иней. Рука уже не дрожала.

— Добыла, наставник. Не пропадать же добру.

— То-то же, — хмыкнул старик, и они пошли по коридору к дому, к теплу, к свету в иллюминаторе, который уже виднелся вдалеке, желтой и неугасимой точкой в наступившей темноте. А за спиной у них, в черной глубине обшивки, воцарилась та самая, великая и беспристрастная тишина космоса.

Глава вторая

Испытание в коридоре «Гремячем» оставило в Арии глубокий, невидимый шрам, как микротрещина на обшивке. Не страх, а скорее понимание хрупкости той грани, что отделяет обжитой, упорядоченный мир людей от древней и безжалостной пустоты. Эта мысль не отпустила ее даже в каюте, в тепле и уюте, под мерное гудение вентиляции, пока Элис вязала у пульта очередной декоративный чехол для панели.

Наставник в тот вечер подробностей не выпрашивал. Он лишь поставил на стол металлический стакан с чем-то терпким и пахучим — не синтетический тоник, а какая-то настойка на травах, выращенных в оранжерее, «для сугреву души», как он выразился. Ария отпила глоток, и по телу разлилось жгучее тепло, отгоняя остатки нервной дрожи.

— Трещина была старая, — сказал наставник, разглядывая показания на голографическом экране. — Структурная деформация, судя по вибрации. Такая усталость металла от основной массы отбивается, в ремонт поздно ложится, а то и вовсе не ложится. Голод пустоты и злоба времени ее гложут. Самая опасная.

— Как ты узнал? — спросила Ария. — Что я там... что она там.

— Чужалось, — просто ответил наставник. — Да и Илья Гаврилыч, болтун, мне по внутренней связи намекнул про сбой датчиков. Не мог я тебя одну пустить. А крик твой я услышал за два отсека. Голос верный, твердый. Не панический вопль, а человеческий окрик. Это важно.

Они помолчали. Элис, не проронив ни слова, подлила Арии в тарелку густой, наваристой протеиновой похлебки. Ее молчание было красноречивее любых расспросов — в нем читались и страх, и облегчение, и гордость.

На следующее утро Ария проснулась с необычным чувством. Мир за иллюминатором был прежним: то же свинцовое небо далекой планеты, те же заиндевелые сенсоры, тот же космический холод, рисующий на стекле фантастические узоры. Но внутри что-то изменилось. Как будто она сдала важный экзамен и получила право на что-то большее. На доверие. Не только наставника, но и самой этой бесконечности.

Наставник разбудил ее раньше обычного.

— Вставай. Сегодня не на вахту.

Ария удивленно протерла глаза. Наставник стоял посередине каюты, одетый в свой лучший, хоть и потертый, комбинезон, подпоясанный ремнем с массивной магнитной пряжкой.

— Собирайся. Пойдем в научный модуль.

Научный модуль. «Орион». Для Арии это было почти мифическое место, шумное и далекое, как легендарная Земля. Она бывала там считанные разы — по серьезным надобностям: заменить специализированный инструмент, пройти углубленный медосмотр, когда у Элисхватило сердце. Поход всегда был событием.

Они двинулись по переходу на дедовой гравитационной тележке — ушатанной, но верной, которая заводилась с полтычка даже при лютом энергодефиците. Путь, сначала технический, ухабистый, потом главный, но не лучше, вился меж белых панелей и темных островков оборудования. Наставник молчал, сосредоточенно вращая штурвал, объезжая стыки. Ария смотрела в иллюминаторы. Знакомые до боли пейзажи сменялись другими, столь же суровыми, но чужими. Появились модули побольше, с заброшенными исследовательскими отсеками, ржавеющими антеннами. Потом показались первые жилые блоки, как серые скалы, гудящие реакторы, нависшие над всем этим стальным горизонтом.

Воздух в модуле был другим — густым, с привкусом озона, металла и чего-то химического. Звуки обрушились лавиной: гул систем, грохот конвейеров, отдаленная сирена, обрывки музыки из кают, гомон людских голосов. Ария почувствовала себя чужой. Ее уши, привыкшие к тишине или к чистым звукам станции — шипению клапанов, шелесту вентиляции, стуку метеоритных датчиков, — отказывались сортировать эту какофонию. Она инстинктивно втянула голову в плечи.

Тележка нырнула в лабиринт жилых палуб старого района, остановилась у блока цвета грязной охры. Наставник выключил двигатель и долго сидел, глядя на гермодверь с облупленной краской.

— Здесь, — наконец сказал он. — Поднимайся на третий уровень, каюта сорок шесть. Спросишь Марию Степановну. Скажешь, от Семена. Отдашь ей это. — Он протянул Арии холщовый мешочек, туго перевязанный. Внутри что-то звенело. — И возьми у нее контейнер. Она тебе отдаст. Жди у двери. Я в технический док отъеду, тут места нет.

Вопросы бурились в голове у Арии, но лицо наставника было замкнутым и непроницаемым. Она просто кивнула, взяла мешочек и вышла.

Лестничная клетка пахла машинным маслом, сыростью и старой изоляцией. Она нашла каюту сорок шесть и нажала кнопку вызова. Дверь открыла немолодая женщина в очках с толстыми линзами, в простом сером комбинезоне. У нее было усталое, бледное лицо, но глаза — живые и очень внимательные.

— Я от Семена, — сказала Ария, чувствуя неловкость. — Наставник мой.

Лицо женщины смягчилось, в нем мелькнуло что-то теплое, почти родственное.

— Входи, Ария. Я тебя ждала.

В небольшой, но уютной каюте, заставленной голографическими книгами и кадками с цветами из оранжереи, пахло чаем и пирогами. Мария Степановна, не расспрашивая ни о чем, посадила ее за стол, налила чаю в прозрачный стакан.

— Семен передавал, что ты человек надежный. Что с трещиной справилась. — Она внимательно посмотрела на нее поверх очков. — Это важнее любой похвальной грамоты.

Ария смутилась. Ей было странно, что здесь, в этом чужом модуле, кто-то знает о вчерашнем событии.

— Как... наставник вам передал?

— Внутренняя связь, — улыбнулась женщина. — У нас, стариков, своя сеть. От жилого модуля до самого «Ориона». Не компьютерами едиными. — Она взяла принесенный ею мешочек, развязала, высыпала на стол несколько старинных, потемневших от времени серебряных монет и пару небольших, тщательно завернутых в ткань кристаллов. Не богатых, но настоящих. — Семен всегда рассчитывается. Не кредитами, а тем, что имеет ценность. Я ему — знаниями, он мне — вот этим. По-честному.

Она ушла в другую комнату и вернулась с пластиковым контейнером, оклеенным потертыми наклейками.

— Это для тебя. Открывать здесь не нужно. Дома. С наставником. Смотри, не потеряй по дороге.

Контейнер был не тяжелым, но Ария почувствовала его вес — не физический, а какой-то иной. Она пила чай, ела пирог с капустой, слушая неторопливые рассказы Марьи Степановны о том, как она когда-то работала учительницей в жилом модуле, учила самого ее отца, а потом, после аварии на орбитальной верфи, помогала наставнику с Элис оформлять документы. Она была звеном, связующим ее прошлое, о котором она знала так мало, с настоящим.

Когда она вышла в коридор, наставник уже ждал ее у тележки. Они молча поехали обратно. Только когда последние жилые блоки остались позади и их снова окружила белая пустота звездного света, наставник заговорил.

— Марья Степановна — человек. Настоящий. Таких мало. Она хранительница. Не только книг. Памяти. — Он помолчал. — В том контейнере, Ария, не вещи. Ответы.

Дома, включив обогрев и отогревшись, они вскрыли контейнер. Элис села рядом, сложив руки на коленях. Внутри, переложенные пожелтевшими распечатками, лежали папки, тетради в колленкорových переплетах, несколько фотографий в картонных рамках. Ария с замиранием сердца взяла первую фотографию. Молодой, улыбающийся мужчина в шахтерской каске, обнявший хрупкую женщину со светлыми волосами. Отец. Мать. Такие, какими она их почти не помнила. На обороте дрожащим почерком было выведено: «Сереза и Таня. Первый полет. 2088 год».

Наставник тяжело вздохнул и стал выкладывать на стол другие вещи. Школьный дневник отца, испещренный замечаниями и смешными рисунками на полях. Грамоты за спортивные достижения. Плотная папка с чертежами и расчетами — дипломная работа отца, инженера-проектировщика. А потом — толстая тетрадь в синей обложке. Дневник.

— Я не читал, — тихо сказал наставник, отодвигая тетрадь к Арии. — Это твое. Твое право и твоя обязанность. Чтобы знать, от каких корней ты растешь.

Ария с благоговением открыла первую страницу. Бойкий, уверенный почерк. «5 сентября 2085 года. Сегодня первый день в академии. Все кажется огромным и чужим. Но я выдержу. Я должен. Для себя. Для отца. Для Тани...» Она отрывалась от строк с трудом. Голос отца, молодой, полный надежд и сомнений, звучал с этих пожелтевших страниц громче любого живого

слова. Здесь был не просто незнакомый ей родитель, а человек. Со своими мечтами, страхами, радостями.

Она читала до глубокой ночи, пока светильник не начал мигать от перегрузки сети. Читала о студенческой дружбе, о первой встрече с матерью на концерте в клубе «Космонавт», о сложных экзаменах, о поездке на марсианские курорты по профсоюзной путевке. Мир, описанный в дневнике, был другим — более просторным, полным иных возможностей. Но сквозь строки проступала и тоска по дому, по станции, по «крепкой отцовской руке на плече».

Ария дошла до последних записей. Они стали короче, отрывистее. Работа на верфи, усталость, радость от рождения дочери — ее самой. «25 ноября. Ария сегодня впервые самостоятельно вышла в невесомость. Таня плакала от счастья. Кажется, ради этого одного момента стоит жить...»

Последняя запись была датирована за три дня до аварии. «Что-то гнетет. Не по себе. Старая секция, где мы сейчас работаем, поет нехорошо. Скрипит, стонет по-ночному. Говорил мастеру — отмахнулся. «План, Серега, план». Завтра поговорю с отцом. Он знает в металлах толк...»

Дальше — пустые страницы.

Ария закрыла тетрадь. В каюте стояла тишина, нарушаемая только потрескиванием системы охлаждения. Глаза ее горели, в горле стоял ком. Но это были не слезы горя. А чего-то большего. Как будто она нашла недостающий кусок пазла в собственной душе. Она теперь знала не просто факт: «отец погиб на верфи». Она понимала, кем он был. Мечтал, любил, боялся, радовался. И погиб, возможно, из-за чужого равнодушия и погони за «планом».

Наставник смотрел на нее из темноты, его лицо было скрыто тенью.

— Теперь ты знаешь, — сказал он глухо. — Не просто знаешь. Ты помнишь. Память — она не про прошлое. Она про будущее. Чтобы не наступать на те же грабли. Чтобы понимать, зачем ты сама живешь.

Ария кивнула. Она не могла выговорить ни слова. В ее руках лежала не просто стопка бумаг. Лежала ответственность. Перед этим молодым человеком с фотографии, перед его несбывшимися мечтами, перед самой этой станцией, которая и породила ее отца, и забрала его назад.

Она вышла на смотровую палубу. Ночь была бездонной и ясной. Млечный Путь раскинулся по небу ослепительной, искрящейся рекой. Где-то далеко, в темноте, засветились зеленые огни — это «Орион» не спал. А здесь, в жилом модуле, было тихо и пронзительно ясно.

Она была больше не просто подопечной Семена, не просто девушкой, которая чудом ушла от разгерметизации. Она стала наследницей. Наследницей памяти, наследницей этой суровой красоты, наследницей тихой, непоказной силы, что копилась в этих отсеках поколениями. И она чувствовала, как эта сила, медленная и неотвратимая, как движение галактик, наполняет и ее саму.

Впереди была вахта, ротация, неизвестность. Но теперь у нее за спиной был не просто жилой модуль. Была история. Были корни, уходящие глубоко, в самую толщу космической бесконечности. И с этим знанием можно было идти куда угодно. Даже в самое пекло. Даже в самую тьму. Потому что внутри теперь горел свой, неугасимый свет. Свет памяти.

Глава третья

Весна на станции — не песня, а долгий, тягучий спор. Зима не сдаётся, цепляясь за обшивку коркой слежавшегося, почерневшего инея, за ночные перепады давления, за колючие микро-метеоритные поземки в марте. Но звезда, ещё робкая, уже набирает силу. Воздух перестает звенеть от холода и теперь пахнет озоном, переработанной влагой и свежей зеленью из оранжереи — острым, пробуждающим запахом.

Для Арии весна началась не с капли, а с тяжелого, гулко-го гула. Это раскрывались панели солнечных батарей на внешнем корпусе. Грохот, похожий на отдаленные взрывы или на тяжелые удары гигантского сердца станции, доносился со стороны технических отсеков, наполняя все вокруг первобытной мощью. Это был голос самой инженерии, и он действовал на душу завораживающе.

Но личное, внутреннее пробуждение пришло к ней позже, в один из тех мартовских дней, когда иней на иллюминаторах начинал оседать, а кристаллы, как стеклянные кинжалы, росли на глазах. В жилой модуль приехала комиссия из центрального сектора. Не обычная проверка, а с представителями какого-то технического института с Земли. Цель — найти «перспективных абитуриентов с техническим складом ума», как объявили по внутренней связи.

Арию это не волновало. Планов лететь на Землю у нее не было. Мысли ее крутились вокруг других, более насущных дел: нужно было помочь наставнику перебрать гравитационную тележку перед тем, как консервировать ее до следующего цикла, починить покосившийся крепеж в оранжерее, наловить в дренажных коллекторах белковую массу — она перед рециркуляцией особенно плотная. Работа была важна, но как-то сама собой, без надрыва и честолюбивых мечтаний.

Ее вызвали в кабинет главного инженера. За столом, кроме Марка Петровича, сидели двое незнакомцев: мужчина лет сорока с умными, усталыми глазами за очками и молодая женщина с внимательным, оценивающим взглядом.

— Ария Семенова, — произнес мужчина, глядя на голографический планшет. — По физике и математике твердая четверка, изредка пятерки. Инженерная графика — стабильно отлично. А это что? — Он показал на проекцию, лежащую поверх папки.

Ария узнала свой эскиз. Не заданный в учебном модуле, а набросанный на полях планшета от скуки во время лекции по истории Земли. Она изобразила в разрезе проект компактной системы рекуперации энергии для малых отсеков, вроде их технического коридора «Гремячего». Не фантастическую, а вполне реализуемую, с учетом сезонных колебаний нагрузки. Она даже рассчитала приблизительную мощность и набросала вариант турбины из подручных материалов — старых деталей от дронов.

— Это... так, мысли вслух, — смущенно пробормотала Ария.

— Мысли? — переспросила женщина. Ее звали, как выяснилось, Анна Витальевна. — Это почти готовый предварительный расчет. Пусть и упрощенный. Где ты этому научилась?

Ария пожала плечами.

— Наставник показал, как энергия по контуру ходит. Потом в архиве у Марьи Степановны старые книги по термодинамике смотрела. И просто... думалось.

Мужчина, представившийся профессором Кожевниковым, обменялся с Анной Витальевной многозначительным взглядом.

— «И просто думалось», — повторил он. — Знаешь, большинство твоих сверстников «думается» о других вещах. А ты о КПД, о кинематических схемах, о замкнутых циклах. Почему?

Вопрос застал Арию врасплох. Она никогда не задавалась этим.

— Не знаю. Нравится, когда все сходится. Когда видишь, как из идеи, из чертежа, может получиться реальная вещь. Которая работает. Которая приносит пользу. Вот у нас в жилом модуле свет часто глохнет. Реактор старый, шумный. А энергия-то вокруг есть всегда. Почему бы ее не использовать?

Она говорила все более уверенно, забыв о смущении. Говорила о том, что видела каждый день: о вибрациях, что гуляют по корпусу, о звездном свете, которого в избытке, о бросовом тепле от реактора, которое можно было бы пустить на обогрев оранжереи. Это не были заученные формулы из учебника. Это была живая, выстраданная мысль, рожденная из самой жизни в этом суровом месте, где каждый ресурс на счету.

Профессор слушал, не перебивая. Потом откинулся на спинку кресла.

— У нас в институте есть программа, называется «Инженерный резерв». Для ребят с периферийных станций, показывающих нестандартный подход. Летняя школа, потом при успехе — целевое место. Тебе интересно?

Мир вокруг как будто качнулся. Земля. Институт. Инженер. Эти слова казались такими же далекими и нереальными, как полет в другую галактику.

— Я... мне нужно посоветоваться с наставником, — выдавила Ария.

Наставник выслушал ее вечером, не отрываясь от починки тележки. Руки его, покрытые старой смазкой, продолжали ловко орудовать ключом.

— Институт, — протянул он, не глядя на нее. — Дело хорошее. Ум в порядок приводят. А главное — людей других увидишь, мир другой.

— Ты... отпустишь? — осторожно спросила Ария.

Наставник наконец поднял на нее глаза. В них, этих стальных, стариковских глазах, Ария прочла целую бурю: и гордость, и боль, и страх.

— Не отпущу. Отправлю. Есть разница. Птицу из гнезда не отпускают — она тогда падает. Ее выталкивают, чтобы летела. — Он вытер руки ветошью. — Твой отец тоже хотел

учиться. Улетел. Вернулся инженером. Но вернулся-то он сюда, на станцию. Потому что звало. Тянет наш дом тех, кто ему кровно принадлежит. Тебя тоже потянет. Вопрос — зачем ты туда полетишь? За дипломом? За планетной жизнью?

— Чтобы научиться, — твердо сказала Ария. — Чтобы потом здесь, может быть... чтобы свет не глох. Чтобы не на старом реакторе все держалось. Чтобы...

Она не нашла слов, чтобы объяснить тот зуд в кончиках пальцев, то желание не просто жить на этой станции, а улучшить ее, понять, приручить стихии, которые тут царят.

— Чтобы дело было, — кивнул наставник. — Правильно. Тогда лети. Посмотри. Попробуй. А там... а там видно будет. Сердце подскажет.

С этого дня мир для Арии раскололся на «до» и «после». Теперь ее «думания» обрели цель, фокус. Она с новой жадностью набросилась на учебники, но не просто заучивая формулы, а ища в них ответы на свои конкретные вопросы. Как снизить потери при передаче энергии на расстояние? Какой накопитель лучше подходит для условий глубокого космоса? Она достала из наставниковых закровов старые журналы «Техника космоса» и «Инженер-конструктор», зачитанные до дыр, и в них, среди описаний самодельных ветряков и солнечных батарей, нашла какую-то особую, домашнюю магию. Это не была абстрактная наука. Это было ремесло выживания и улучшения жизни, доведенное до уровня инженерии.

Анна Витальевна, оказалось, оставила ей несколько книг и свой адрес в сети. Ария, впервые в жизни сев за терминал в учебном классе (дома связь с Землей была ограничена), с трудом выстукала свое первое сообщение. Оно было простым, как ее речь: «Здравствуйте. Прочла книгу про альтернативную энергетику. Возник вопрос про инерцию ротора при резкой смене нагрузки. У нас на станции такое часто. Как быть?»

Ответ пришел через неделю. Подробный, со схемами, формулами и рекомендациями. «Вы задаете сложные, прикладные вопросы, Ария. Это ценно. Продолжайте в том же духе. Жду ваших мыслей по поводу рекуперации».

Эта переписка стала для нее окном в другой мир. Мир, где ее «думания» были не блажью, а предметом серьезного разговора. Она чувствовала себя золотоискателем, который наконец нашел крупинку настоящего золота в тоннах пустой породы.

Но параллельно с этим росло и другое чувство — оторванности. Теперь, глядя на сверстников, которые грезили о переезде на Землю «к цивилизации» просто чтобы «пожить по-своему», она чувствовала пропасть. Их мечты казались ей плоскими, потребительскими. Они хотели от жизни брать. Она же, смутно, но все сильнее, чувствовала желание — отдавать. Вкладывать. Возвращать сюда, в этот суровый дом, полученные знания. Это чувство было сродни тому, что она испытала, читая дневник отца — чувство долга, но не тяжелого, а естественного, как дыхание.

Однажды, в конце апреля, когда иней сошел с внешних панелей, обнажив прошлогоднюю царапину от микрометеорита и первые, робкие блики звездного света, Ария поднялась в технический коридор «Гремячий». Не по обходному пути, а напрямик, по сервисной лестнице, еще сырой от конденсата и скользкой. Она хотела увидеть место своей встречи с трещиной при свете дня.

Все выглядело иначе. Страшный туннель сумерек и тишины теперь был просто старым техническим проходом, залитым ярким, еще холодным светом аварийных ламп. Иней стоял, обнажив кабели и крепеж. Ария нашла тот самый люк, у которого заметила трещину. Подошла, положила на него ладонь. Шероховатый, холодный металл. Жизнь, прерванная разгерметизацией. И здесь же, у стыка, она увидела первую, ярко-зеленую полосу свежего герметика, пробивающуюся из шва.

Смерть и жизнь. Уход и возвращение. Холод зимы и упрямая сила весны. Все было в этом месте. И она стояла здесь, девушка со станции, наследница и ученица, на пороге своего выбора. Институт манил ее, как манил когда-то отца. Но теперь Ария понимала, что полетит она не сбега. А за знаниями. Как воин за лучшим оружием. Чтобы вернуться. Чтобы эта полоска герметика у люка, и миллионы других соединений, и реакторы, и солнечные панели, и люди в этих маленьких, затерянных в космосе модулях — чтобы у всего этого было будущее. Не темное и зависимое, а светлое и самостоятельное.

Она повернулась и пошла обратно, к своему модулю. Внизу, в жилом отсеке, уже гудели системы, и где-то далеко, на другом конце станции, работал ремонтный дрон, готовя секцию к новому циклу. Звук его мотора был негромким, но упорным. Как стук сердца этого дома. Сердца, в такт которому начинало биться и ее собственное.

Глава четвертая

Лето на станции — не время для отдыха. Это время титанической, молчаливой работы самой системы жизнеобеспечения, и люди здесь подстраиваются под ее ритм. Для Арии лето стало мостом между двумя мирами: привычной, устоявшейся жизнью в жилом модуле и зыбким, манящим будущим на Земле.

Летняя инженерная школа начиналась только в августе, и у нее был в запасе июнь и июль — два месяца, которые нужно было «отработать» здесь, дома. Не в смысле отбыть повинность, а в смысле вложить в этот дом частицу себя перед долгой разлукой. Наставник понимал это без слов. Он не стал беречь воспитанницу, а навалил на нее работы сполна, будто проверяя на прочность перед дальней дорогой.

— Если за институтскую науку братья, руки от технического отсека не отсохнут, — говорил он, и в его словах не было насмешки, а была суровая правда. — Инженер без понимания, как мир устроен на ощупь, — пустоцвет. Вот, к примеру, стыковочный узел. Рассчитаешь ты его по всем формулам, а про то, как металл при перепаде температур дышит и как вакуум микротрещины пьет, не подумаешь — разгерметизируется твой узел.

Ария работала. Она монтировала и демонтировала панели на внешнем корпусе — тяжелая, монотонная работа, от которой спина ныла, а ладони покрывались новыми мозолями поверх старых. Она помогала наставнику ставить новую секцию оранжереи, ворочая тяжелые композитные блоки, чувствуя, как под оболочкой скрывается вековая прочность. Она ходила с Элис собирать биомассу в отсеки гидропоники — чабрец, зверобой, иван-чай. Та учила ее не просто рвать, а «разговаривать с растением», благодарить его и брать ровно столько, чтобы заросли не оскудели. Это была иная наука — наука бережного взаимодействия, не менее сложная, чем физика.

Именно во время ремонта внешней обшивки, на солнечной стороне станции, случился разговор, который Ария запомнила навсегда. Они с наставником, разгоряченные работой, присели отдохнуть на закрепленной платформе. От шлюза тянуло прохладой и запахом переработанного воздуха. Наставник достал из сумки тубик с прохладительным напитком, отпил и передал Арии.

— Скоро улетать, — констатировал он, глядя на далекие звездные скопления на горизонте.

— Да, — просто ответила Ария.

— Земля — она тебя попытается переделать. Под себя. Шумом, суетой, соблазнами. Люди там другие. Мысли их вертятся вокруг иного. Деньги, карьера, удобства.

— Я полечу не за этим.

— Знаю. Но вода точит камень не силой, а постоянством. За год-два можешь и не заметить, как твои «думания» станут земными. Начнешь искать легких путей. Красивых теорий. А жизнь, Ария, — она здесь. Грубая, простая, как этот ключ. Но честная. — Наставник потро-

гал царапину на своей перчатке. — Не забывай, зачем летишь. Ты летишь за инструментом. Инструмент не должен стать целью. Им делают дело. Твое дело — здесь.

Он помолчал, а потом добавил тише, как будто признаваясь не воспитаннице, а самому себе:

— Отец твой, когда с Земли вернулся, первое время тоже скучал. По небу, по свету фонарей, по людскому гомону. Потом втянулся. Нашел свое дело. И душа успокоилась. У каждого своя дорога к дому. Длинная или короткая. Но приводящая сюда.

Эти слова стали для Арии внутренним компасом. Она поняла, что наставник боится не того, что она не справится с учебой. А того, что земная жизнь вытравит из нее эту космическую «породу», эту особую статью души — молчаливую, крепкую, связанную со станцией невидимыми, но прочными корнями.

В июле пришло официальное приглашение из института с подробной инструкцией. Ария впервые увидела распечатанный на голографическом принтере лист с логотипом вуза. Бумага пахла чужеродно, типографской краской, а не металлической пылью и озоном. Элис, осторожно взяв лист в руки, прослезилась.

— Умная бумага, — прошептала она. — Смотри, Ария, не потеряй.

— Она не умная, Элис, — поправил ее наставник. — Умная та, кто ее заслужила.

Сборы были недолгими. Вещей — минимум. Наставник настоял на одном: Ария должна взять с собой герметизатор, тот самый, что был с ней в коридоре «Гремячем».

— Не для ремонта. Для памяти. Чтобы на Земле, когда тоска возьмет или сомнения, в руках подержать. Вес его, запах рукояти. Оно напомнит.

Накануне отлета Ария поднялась на старую смотровую площадку на краю жилого модуля. Оттуда открывался вид на всю станцию: на покосившиеся антенны и новые секции, на синюю ленту солнечных панелей, на бесконечное, волнующееся, как застывшее море, звездное небо до самого горизонта. Она смотрела и пыталась запечатлеть эту картину в памяти навсегда. Шум вентиляции в переборках, холодок поручня под ладонями, далекий сигнал маяка. Это был ее мир. И она покидала его добровольно, с тревогой и надеждой в сердце.

До Земли летели на транспортном челноке. Провожали всем модулем. Мастер Илья Гаврилыч хлопал ее по плечу, суя в карман питательный батончик. Марк Петрович, ее начальник смены, сунул в руки томик стихов: «Там, говорят, про космос хорошо. Чтобы не забывала». Наставник обнял ее крепко, молча, и Ария почувствовала, как дрогнули стариковские плечи. Элис перекрестила, шепча что-то беззвучное.

Челнок тронулся. Станция поплыла за иллюминатором, уменьшаясь, превращаясь в игрушечную, а потом и вовсе исчезла в черноте. И тут Арию накрыло. Не шумом двигателей, а оглушительной, физической тишиной. Той самой, космической тишиной, которую она увозила с собой в душе. И ею было наполнено все ее существо, контрастируя с гулом челнока и чужими голосами.

Земля встретила ее не просто шумом. Она обрушилась на нее лавиной. Световой, звуковой, обонятельной. Рев моторов, визг тормозов, гул голосов из миллионов уст, мерцание неоновых вывесок, отражающихся в стеклах высоченных зданий. Воздух был густым, теплым, пахнувшим бензином, асфальтом, пищей из уличных ларьков и чем-то еще — безостановочным движением. Она вышла на площадь космопорта и замерла, чувствуя себя песчинкой, затерянной в гигантском, бездушном механизме.

Институтский кампус оказался островком относительного спокойствия в этом океане суеты. Старинные корпуса из красного кирпича соседствовали с ультрасовременными стеклянными зданиями. Повсюду сновали студенты — уверенные, громкие, одетые в самую разную, часто странную для станционной жительницы одежду. Ария, с ее простым рюкзаком и серьезным, сосредоточенным лицом, чувствовала себя белой вороной.

Расселили их в общежитии, по двое в комнате. Соседкой Арии оказалась девушка из Екатеринбурга, Дина, бойкая, говорливая, помещанная на робототехнике и социальных сетях. Она с любопытством оглядела скромные пожитки Арии, задержавшись взглядом на герметизаторе, аккуратно завернутом в тряпицу.

— Ого! Сувенир? — спросила она.

— Инструмент, — коротко ответила Ария.

Дина не поняла, но пожала плечами, решив, что у девушки с орбитальной станции свои причуды.

Первые дни прошли в тумане. Лекции, экскурсии по лабораториям, где стояло оборудование, о котором Ария читала только в журналах. Поначалу ее поражал масштаб, блеск технологий. Но очень скоро острота восприятия притупилась, сменившись другим чувством — отстраненности. Преподаватели говорили о глобальных трендах, нанотехнологиях, межгалактических проектах. Это было интересно, умно, но... не касалось ее. Не касалось технического коридора «Гремячего», который мог бы рекуперировать энергию. Не касалось вибраций на внешней обшивке или старого реактора в жилом модуле.

На одной из лекций по энергетике профессор, молодой и амбициозный, с жаром рассказывал о перспективах антиматерии. Ария, не выдержав, подняла руку.

— Скажите, а есть ли у нас исследования по низкопотенциальным источникам? Для удаленных, малых станций? Чтобы от вибраций или от тепла реактора? Просто КПД у старых систем низкий, а топливо дорогое...

В аудитории повисла легкая пауза. Профессор улыбнулся снисходительно.

— Девушка, это, конечно, важные, но локальные задачи. Мы готовим инженеров для больших проектов, для будущего. За вами — Марс, Европа, межзвездные перелеты! А малые станции... это вчерашний день, кустарщина.

Кто-то из студентов тихо хихикнул. Ария села, чувствуя, как кровь приливает к лицу. Не от обиды, а от ясного, холодного понимания. Ее «думания» здесь были никому не интересны.

Они были слишком приземленными, слишком «грязными», связанными с реальной, непарадной жизнью.

Вечером, лежа на жесткой общежитской кровати и слушая, как Дина стучит по клавиатуре, она достала из рюкзака герметизатор. Развернула тряпицу, взяла в руку. Знакомый вес. Запах композитного волокна и стали, не перебитый никакими земными ароматами. Она закрыла глаза и представила себе не кампус, а наставника у пульта, склонившегося над какой-то схемой. «Инструмент не должен стать целью. Им делают дело. Твое дело — здесь».

В тот момент она поняла, что профессор ошибался. Не малые станции были вчерашним днем. Вчерашним днем была оторванная от жизни наука, гордая и бесполезная в своей абстрактной величине. Ее дело, ее будущее не было здесь, в этих стенах. Оно было там, за миллионы километров, в ее железном доме, где вибрации гуляли на просторе, а энергия текла, не принося пользы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.